

зеленый цех о подсобном хозяйстве промышленного предприятия, города по производству сельскохозяйственной продукции;

белая жатва, белая страда о напряженном периоде уборки хлопка;

eau blanche поило для скота (с отрубями).

Приведенные выше тематические группы не являются исчерпывающими, но все же дают представление о семантическом многообразии фразеологических единиц с компонентом цветообозначения французского, русского и английского языков.

Источники и литература

1. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / А.В.Кунин. – 6-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 2005. – 944 с.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
4. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г.Гак, Л.А.Мурадова и др.; под ред. В.Г.Гака. – М.: Русский язык – Медиа, 2005. – 1625 с.
5. Словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985.
6. Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Яшникова Н.В.

СВОЕОБРАЗИЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА

«Над пропастью во ржи»

В 1951 году Джером Давид Сэлинджер издал роман «Над пропастью во ржи», ставший настольной книгой не одного поколения американцев, и не только американцев: по числу переводов на другие языки «Над пропастью во ржи» занимает одно из первых мест в послевоенной литературе США. Выйдя в 60-м году на русском языке, роман Сэлинджера решительным образом повлиял на так называемую молодежную прозу, которая прославила журнал «Юность». Даже в таком далеком от Америки краю, как Китай 70-х годов, герой романа «Волны» пекинского поэта и прозаика Жао Жин Кай рассказывает о культурной революции языком Холдена Колфилда. Этот роман подкупил читателей необыкновенной искренностью повествования, так как свою «сумасшедшую историю» шестнадцатилетний подросток представляет в форме внутреннего монолога. Стремление Холдена Колфилда говорить о себе и окружающих без утайки, желание выразить буквально все, что творится в душе, вызывает доверие к рассказчику, который сбивчиво говорит о наболевшем, перемежая сокровенные признания напускной грубостью, жаргонными словечками, прикрывая ранимость иронией и самоиронией.

Несмотря на внешнюю незамысловатость повествования подростка, роман Сэлинджера на деле оказался сложным *неоднозначным* произведением, что проявилось в различном отношении литературных критиков к Холдену Колфилду, его главному герою и повествователю. Поэтому в данной статье предпринимается попытка выяснить причины противоречивости трактовок образа Холдена.

Некоторые критики объявили Холдена Колфилда *бунтарем*, чуть ли не борцом против социального устройства. Это была первая реакция на роман Сэлинджера. В отечественной критике такая точка зрения являлась преобладающей, так как ее поддерживали Г. Владимов, А. Мулярчик, Е. Книпович, И. Шмарук, Л. Тукузина, А.М. Гаврилюк, Ю.Я. Лидский, Н. Анастасьев, Т.М. Конева, М. Тугушева, В. Бибахин и другие. Они считали Холдена Колфилда борцом, который выступил против царящей в обществе лжи, так как его не устраивает «показуха», отсутствие взаимопонимания между людьми, самой элементарной человечности. Л. Тугушева объясняла этот бунт тем, что Холден наделен особым седьмым чувством – обостренной реакцией на «фальшь» и «липу» (то, что он называет *phony*), на несоответствие действительного и кажущегося [24, с. 8].

Действительно, область обличения в романе весьма широка. Она включает в себя, по мнению Лидского, и систему образования, и кино, и деловую карьеру, и литературу, и искусство, и армию, и быт, и всемогущество денег, и главное – всеобщую, всепроникающую фальшь, которую автор подчеркивает с особенной настойчивостью [13, с. 193]. Советские литературоведы, конечно же, обратили внимание и на политическую критику. Например, М.О. Мендельсон отметил негативное отношение Холдена к американской армии, в которой «полно сволочей, не хуже, чем у фашистов», а также его отвращение к атомной бомбе, выраженное в иронической форме [14, с. 463].

Многое, попадающее в сферу обличаемого и отвергаемого Холденом, не показывается, а только называется. Можно подумать, что речь идет не о реальной действительности, а только о том, как ее воспринимает пессимистически настроенный и склонный к рефлексии и самокопанию молодой человек. Но, как верно подметил Лидский, Холдену веришь безусловно и тогда, когда он возмущается «идиотскими рассказами в журналах», и во всех остальных случаях. По его мнению, объясняется это не только предельной искренностью героя: Холден стал таким только потому, что живет в мире лжи, фальши и жестокости, в мире тех са-

мых «сволочей» и «идиотских рассказов». Иначе просто невозможно объяснить проявление такого характера и умонастроения. В данном случае сам образ подростка является в романе тончайшим инструментом для «показа» и доказательства существования того, что как будто только называется [13, с. 194].

Лидский подмечает также характер бунта Холдена, подчеркивая, что его протест – не классовый, а стихийный, анархичный бунт личности против всего общества. Такого мнения придерживаются многие исследователи, называя протест героя «бунтом одиночки» или «этическим бунтом одаренной личности» [11, с. 456; 4, с. 120]. Но все они сходятся в том, что рассматривают Холдена как бунтаря-одиночку, протестующего против конформистского единомыслия и потребительского образа жизни, ощущающего разлад действительного и желаемого в обществе, школе, семейных отношениях – во всем отталкивающем, насквозь фальшивом мире взрослых.

Действительно, никто из персонажей не поддерживает критику Холдена – ни его сверстники, ни взрослые. Даже сочувствующая ему малолетняя сестра Фиби упрекает брата в том, что ему ничего не нравится. А учителя, к которым он обращается за поддержкой, предупреждают его об опасности, которую таит в себе его бунтарство. Учитель Антолини, например, заявил, что Холден катится в пропасть: «Пропасть, в которую ты летишь, – ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего им не может дать их привычное окружение» [23, с. 210]. И Холден действительно пострадал от своего бунта, так как в конце романа сообщается, что он ведет свой рассказ, находясь в некоем санатории, где с ним работает психоаналитик. Как отмечает Владимов, Холдену суждено стать как бы «отделившейся совестью людей, этого ненайденного поколения – надорванной, отравленной и кровоточащей. Это хоть кому не дешево стоит, а Холдену, помимо всего, это стоит здоровья» [5, с. 257].

В этом отношении важной характеристикой Холдена является его осознание обреченности своего бунта. Это проявляется, в частности, в его разочаровании старшим братом, на которого ему хотелось быть похожим, так как брат сменил свободное писательское призвание на более прибыльное ремесло голливудского сценариста. Он не желает следовать по стопам своего отца, замечая, что адвокатов больше интересуют гонорары, дорогие приобретения и развлечения, чем защита обвиняемых. Как отмечает Конева, «всматриваясь в будущее, Холден не видит ничего, кроме той серой повседневности, которая уже запутала в свои сети большинство его сверстников, поэтому любые попытки построить свою жизнь в соответствии с нормами гуманистического идеала обречены» [12, с. 47].

Еще одна особенность бунта Холдена отмечается Р.Д. Орловой: временами герой представляет себе, как он мстит врагам, избивает лифтера, который обманул и обокрал его; ему кажется, что он бьет неизвестных пошляков, которые испещрили похабными надписями школьные и музейные стены. Но все эти битвы – воображаемые. Поэтому бунтарство Холдена критик представляет «ребяческим», напоминая действия человека во сне: судорожные попытки бежать, ударить, полная невозможность что-то сделать, ощущение горечи и бессилия [19, с. 292]. Аналогичного мнения придерживается Конева, которая считает бунт Холдена «чуждачеством», которое в ее представлении является формой несогласия, протеста против недостатков общества, бездуховности [12, с. 47-48].

Сложнее всего представить Холдена бунтарем в финале романа, когда он сообщает, что после санатория вернется в школу, то есть вернется в то общество, которое ненавидит. Впереди героя ждут новые испытания, но он не знает, сумеет ли приспособиться к социальной фальши, или нет: «Многие люди, особенно этот психоаналитик, который бывает тут в санатории, меня спрашивают, буду ли я стараться, когда поступлю осенью в школу. По-моему, это удивительно глупый вопрос. Откуда человеку заранее знать, что он будет делать? Ничего нельзя знать заранее! Мне кажется, что буду, но почему я знаю?» [23, с. 235-236]. Слова героя означают, что в романе отсутствует развязка идейного конфликта, так как он не знает, примирится ли он с социальным лицемерием, или будет по-прежнему бороться с ним. Тем не менее, А.М. Гаврилюк считает, что у бунта Холдена есть логическое завершение, так как, вместо бегства на Запад, он и Фиби остаются в Нью-Йорке, ибо Холден уверен, что бежать всегда легче, чем остаться и отстаивать свои гуманистические идеалы. Он еще не знает, какая личность выйдет из него, но уже твердо убежден, что «человек один не может» жить [6, с. 8].

А. Мулярчик представляет завершение романа иным, приходя к выводу, что бунт Холдена против действительности доводит до логического завершения не он сам, а его сестра Фиби, которая с огромным чемоданом собралась бежать с братом на неведомый дальний Запад. По мнению исследователя, они как бы меняются ролями: десятилетняя Фиби готова очертя голову ринуться навстречу новой жизни, а Холден невольно ищет вокруг себя элементы устойчивости, связи с прошлым. В доказательстве исследователя такими элементами для него являются запахи родной школы, музыка на каруселях в Центральном парке в двух шагах от дома, тысячелетние мумии в музее естественной истории, которые аккумулируются в заключительных главах книги [18, с. 116-117].

Таким образом, большая группа исследователей явно представляет героя романа «Над пропастью во ржи» бунтующим против социального лицемерия. Произошло это потому, считает Г.А. Анджапаридзе, что роман «Над пропастью во ржи» прежде всего заинтересовал тем, что «многие увидели в нем резкую критику американской действительности, неприятие самих основ буржуазного общества, его торгашеского духа и лицемерной морали» [2, с. 10]. Причину такого восприятия романа Анджапаридзе объяснил искренностью повествования в форме внутреннего монолога с точки зрения главного героя: «Исповедальная достоверность этого монолога – все как на духу, – его предельная откровенность обладают своеобразной заво-

раживающей силой: ну и как же в самом деле не поверить человеку юному, делящемуся самым сокровенным, как оскорбить хоть тенью настороженности такую полную самоотдачу?» [2, с. 12]. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Другая группа критиков, к которым относятся Т.Л. Морозова, Р. Орлова, А. Мешков, А. Елистратова, А. Зверев и другие, считают Холдена *беглецом*, который, столкнувшись с неприемлемыми для него социальными проблемами, стремится скрыться от общества. Как отмечает Елистратова, планы Холдена Колфилда больше похожи на бегство с поля боя [8, с. 39]. Действительно, герой задумывался о бегстве, когда предложил Салли Хейс уехать с ним в Массачусетс, в Вермонт, пожениться и жить «где-нибудь у ручья», где он сам будет рубить дрова. Но расчетливая девушка ответила, что выйдет за него замуж только когда он окончит университет. Тем не менее, даже после отказа Салли разочарованный Холден мечтает укрыться где-нибудь в глуши, поселиться в бревенчатой хижине, притвориться глухонемым, чтобы не нужно было ни с кем разговаривать, жениться на глухонемой девушке, которая не будет наставлять его на путь истинный, а детей, если появятся, «ото всех спрятать».

Главной причиной для бегства героя, по мнению А. Мешкова, является отсутствие собственного позитивного мировоззрения, так как ему нечего противопоставить фальшивым идеалам общества [16, с. 293]. Именно поэтому его бунт воображаемый, и характеризуется исследователями как «чуждость» или «ребячество». Чтобы найти решение нравственного конфликта, Холден постоянно ищет общения. Он пытается найти отзыв у шоферов такси, у случайных попутчиков, у товарищей по школе, у соседей по столику в ресторане. Он звонит по телефону разным людям, в том числе и малознакомым. Но отзыва нет. Как отмечает Орлова, Холден способен на глубокие, искренние чувства, он жаждет полной правды, чистоты естественности в отношениях между людьми, он жаждет общения, но натывается на глухие стены, видит, что все загрязнено расчетом, ложью, взаимным отчуждением [21, с. 193]. И тогда юноша замыкается все больше в себе, ему становится нетерпимым окружающее. Как подмечает Орлова, все, о чем он говорит, он сопровождает словами «отвратительное», «чертово», «проклятое» [20, с. 23].

Невозможность изменить ненавистные для него лицемерные «правила игры» общества приводят Холдена в отчаяние, в результате чего герой переживает острый нравственный кризис, когда, как отмечает Орлова, столкновение с окружающей действительностью оказалось для него невыносимым [21, с. 193]. В частности, герой отказывается смириться с законами, регулирующими взаимоотношения людей в условиях социального неравенства. Он очень болезненно переживает существующее в обществе имущественное разделение. Его «злит», что директор школы по-разному разговаривает с родителями учеников, смотря по тому, кто как одет. Или он «расстраивается до черта», когда видит, что его сосед по комнате, мальчик, с которым ему хочется дружить, завидует его дорогим чемоданам и из-за этого никакой дружбы между ними не получается.

Причиной нравственного кризиса является осознание собственного отчуждения, которое Холден остро переживает, так как, по наблюдению Морозовой, его отличает сложная духовная организация, глубокая впечатлительность, при которой даже незначительные раздражения извне способны вызвать бурную реакцию [17, с. 58-64]. Именно отчуждение героя мотивирует его желание удалиться от общества и вызывает у него нервную депрессию, из-за которой, очевидно, он оказывается в санатории. Существует также мнение, что бегство Холдена означает также поиск Холденом смысла жизни, который аллегорически выражается в нелепом вопросе «куда деваются утки зимой из парка?», то есть куда деваться от холода непонимания окружающего мира [15, с. 373].

Таким образом, вторая группа исследователей, отдавая себе отчет, очевидно, в слабости характера героя, который бунт только воображает, разделяют в целом мнение Зверева, который утверждает, что точнее назвать Холдена беглецом, а не бунтарем и что на самом деле никакого бунта нет вообще [9, с. 461].

Третья группа исследователей, среди которых С. Белов и Т. Денисова, синтезировала толкования двух предыдущих: определив героя слабавольным борцом, они увидели в Холдене *жертву*, считая, что общество мстит ему за высокомерие, за то, что он один осмелился восстать против общепризнанных, пусть и лицемерных, правил социальных отношений. Действительно, Холдена можно считать жертвой фальшивой общественной морали, как человека, который не находит взаимопонимания и который вследствие своего одиночества становится пациентом психоаналитика.

Мнение Белова доказывается тем, что в Холдене он видит не бунтаря, а неудачника. Герои, как известно, деятели, подметил он. Холден же на поступок трагически не способен, даже на самый пустяковый. Не случайно, считает исследователь, в начале повести Сэлинджер заставляет героя слепить снежок: Холден будет долго выбирать цель, да так и не выберет, а в конце концов по требованию кондуктора будет вынужден просто бросить снежок на землю. По этой модели построены и дальнейшие действия Холдена, утверждает критик. Ему не сидится на месте, ему то и дело хочется что-то предпринять, но его лихорадочная активность заканчивается ничем, за всякой попыткой действия – комическая или печальная невозможность его совершить. Поедет капитаном школьной фехтовальной команды – забудет в метро снаряжение, подведет товарищей. Гордо распрощается со своими бывшими соучениками – «Спокойной ночи, кретины», - но тут же поскользнется на ореховой скорлупе и чуть не свернет себе шею. Напишет по просьбе болвана Стрэдлелтера сочинение – но не на нужную тему, а потом, обидевшись на непонятливость заказчика, изорвет написанное. Купит сестренке Фиби ее любимую пластинку – нечаянно разобьет, вручит одни осколки. Только в мечтах Холден – хозяин положения. Только в воображении он способен лихо расправиться с подлецом лифтером Морисом, дать выход запасам нежности и доброты, наладить правильные отношения с опротивевшим обществом (притвориться глухонемым, по старой американской традиции бежать на Запад, жить в лесу и т. д.). В реальности же все идет кувырком. Окружающий мир словно мстит своему юному

критику за высокомерие, совершенно не подчиняясь ему. Увы, по всем признакам бунтарь больше походит на жертву, отметил Белов [3, с. 13-14]. «Совершенно неприспособленным к действительности» считают Холдена и другие исследователи [10, с. 137].

Денисова видит жертвенность героя в его полном разочаровании в том обществе, неотъемлемой частью которого он является, и усматривает в рассказе Холдена трагический крик человека, затерявшегося в чужом мире, беспомощного, слепого. Критика Холдена общества пронизана болью и человека и верой в заложенные в нем возможности и потребности в человечности. С этой точки зрения, по ее мнению, несовершеннолетний герой представляет собой чуткий сейсмографический аппарат, определяющий состояние общества, но одновременно является жертвой и продуктом этого общества [7, с. 152, 159].

Таким образом, третья группа исследователей считает, что Холден критикует общество только словесно, не предпринимая никаких действий, и поэтому не может считаться бунтарем; вместе с тем он предстает слабовольным человеком и неудачником, который предпочитает бежать от проблем, поэтому он был охарактеризован как жертва аморального общества, как страдалец, вызывающий жалость.

Наконец, существует четвертая группа критиков, к которой относятся те, кто замечает в Холдене прежде всего отрицательные черты – избалованного эгоистичного подростка, переживающего кризис переходного возраста, после которого он превратится в обычного *потребителя*, смирившегося с общественной фальшью. К этой группе относятся Г. Анджапаридзе и В. Панова, хотя необходимо подчеркнуть, что отрицательные черты Холдена замечают все исследователи – и те, кто считает его бунтарем, и те, кто видит в нем беглеца и жертву: Н. Анастасьев, А. Елистратова и др.

Например, Конева отмечает, что Холден далек от идеала, что он бывает ленив, неправдив, непоследователен, эгоистичен, что он сам признает это, называя себя «ненормальный», «неприспособленный», «чужак» [12, с. 47]. Анастасьев считает, что юношеский бунт Холдена смел и честен, но делает вывод, что протест Холдена беспочвен и бунт его бесперспективен. Это вызвано тем, считает исследователь, что сам Холден ничем не отличается от членов того общества, против липы, мерзости и притворства которого он протестует [1, с. 293-294]. Елистратова утверждает, что Холден Колфилд – не герой, – и видеть в нем, хотя бы в зародыше, будущего сознательного и мужественного борца за новую Америку, – значит вносить в этот образ черты, которых не придал ему автор. Но Панова наиболее категорична в своей оценке романа «Над пропастью во ржи», заявляя, что это роман о лодыре, лгунишке, стилиаге, раззяве, о странном незадачливом юном существе [22, с. 91].

Возможность негативной оценки героя романа Сэлинджера объяснил Анджапаридзе, который предлагает отвлечься от точки зрения героя-повествователя и посмотреть на него со стороны, поскольку «на самом деле поступки Холдена, а не его слова, свидетельствуют о том, что он ленив, лжив, капризен, неуравновешен» [2, с. 14]. Исследователь видит в герое массу недостатков – безответственность, претензии на оригинальность, неразвитость интеллекта, инфантильность, эгоизм и т.д., однако не отвергает и его положительные качества, считая, что Холден сочетает в себе положительные и отрицательные черты. Это явление он назвал «нравственной затемненностью» [2, с. 18]. В этой «затемненности» можно заметить признак многозначности романа, но Анджапаридзе трактует его однозначно негативно, заявив, что «в лице Холдена Колфилда Сэлинджер создал некую выродившуюся элиту, состоящую из одного молодого человека, беспрестанно и бесцеремонно требующего чего-то – внимания, сочувствия, любви, заботы (напомним, в деньгах он не нуждается) от любого, даже незнакомого человека» [2, с. 18]. Такой вывод Анджапаридзе сделал потому, что представил «нравственную затемненность» героя как некую уловку Сэлинджера. По его мнению, «Холден парень-то никудышный, но автор употребил свой немалый литературный дар, чтобы художественно доказать обратное и вызвать симпатию к герою, этой симпатии недостойному» [2, с. 18].

Проведенный анализ критических работ показал, что все представленные трактовки образа Холдена *однозначные*, и что все они имеют право на существование, поскольку роман Сэлинджера *многозначный*. Многозначность проявляется в структурах текста романа, создающих *идейную неопределенность*. К таким структурам относится, прежде всего, форма повествования: искренний, исповедальный внутренний монолог повествователя вызывает симпатию и сочувствие, но одновременно этот монолог представляет собой речь героя, которая функционально характеризует его самого, предоставляя возможность посмотреть на него самого «со стороны», как это сделал Анджапаридзе, и обнаружить его негативные качества. Такое повествование представляет героя *морально неопределенным*, или в определении Анджапаридзе «нравственно затемненным».

Все отмеченные однозначные трактовки образа Холдена имеют социально-критическое звучание, и поэтому лишают роман присущего ему многозначного *философского смысла*. Дело в том, что в произведении Сэлинджера поставлена сложная проблема конфликта свободы личности и общественной морали. Этот конфликт наиболее наглядно выражен в символическом образе пропасти, о которой говорит учитель Антолини, и которая вынесена в заглавие русского перевода романа. В своем представлении Холден разделил общество на две части – детей и взрослых, сам же он находится посередине. Дети ему симпатичны: он помогает незнакомой девочке зашнуровать коньки, он беспокоится за мальчика, который идет по краю мостовой, не обращая внимания на пронесшиеся рядом автомобили, он любит Фиби и покойного брата Алли. Дети, которые олицетворяют для него искренность, в его воображении играют в ржаном поле, а он стоит на краю обрыва, то есть находится в опасности, а опасным он считает лицемерное общество взрослых. Герой

не хочет следовать примеру даже близких людей – отца, старшего брата, учителя Антолини и учителя Спенсера, так как не может простить им недостойных поступков. Срединное положение героя говорит о том, что он стоит перед выбором: то ли смириться и принять фальшивую мораль взрослых, то ли отвергнуть, оставаясь по-детски искренним. Такое положение Холдена отражает неопределенность идейного конфликта, который логически сочетается с моральной неопределенностью героя.

Наконец, в романе отсутствует развязка, поскольку Холден заявляет, что не знает, какое решение он примет в будущем и каким он станет. Это означает, что в финале романа герой остается морально неопределенным, а идейный конфликт нерешенным. Таким образом, на основе структурной корреляции моральной неопределенности героя, неопределенности и нерешенности идейного конфликта создана многозначность романа «Над пропастью во ржи», который предполагает множественность прочтений.

Источники и литература

1. Анастасьев Н. Миры Джерома Сэлинджера. – Молодая гвардия. – 1965. – № 2. – С. 292 - 302.
2. Анастасьев Н. Миры Джерома Сэлинджера. – Молодая гвардия. – 1965. – № 2. – С. 292 - 302.
3. Белов С. Вступительная статья. // Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи: Роман. Повести. Рассказы. – М.: Эксмо, 2006. – с. 7-24.
4. Бибахин В. По поводу трактовки одного характера. К инсценировке повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в Московском театре сатиры. – Театр. – 1965. – № 11. – С. 120
5. Владимов Г. Три дня из жизни Холдена. – Новый мир. – 1961. – № 2. – С. 254 - 258.
6. Гаврилюк А.М. Предисловие. // Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи: Роман. Рассказы. / Пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – Львов: Вища школа. Издательство при Львовском университете, 1987. – С. 5 - 10.
7. Денисова Т.Н. На пути к человеку. Борьба модернизма и реализма в современном американском романе. – К.: Наукова думка, 1971. – 338 с.
8. Елистратова А. А. Дух кризиса молодежи США в американском романе. // Современная литература США. – М., 1962. – С. 34- 42.
9. Зверев А. Сэлинджер: тоска по неподдельности // Дж. Д. Сэлинджер. Выше стропила, плотники. – Х.: Фолио, 1999. – С. 455 - 471.
10. История зарубежной литературы (1945 - 1980) / Под ред. Л.Г. Андреева. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство МГУ, 1989. – 416 с.
11. История зарубежной литературы 20 века: Учебник / Под ред. Л.Г. Михайловой и Я.Н. Засурского. – М.: ТК Велби, 2003. – 544 с.
12. Конева Т.М. «Безодня, в яку ти летиш...» матеріали до вивчення роману Дж. Д. Селінджера «над прірвою у житі». 11 клас // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 1998. – № 5. – С. 47 - 48.
13. Лидский Ю. Я. Очерки об американских писателях 20 века. – К., 1968. – 349 с.
14. Мендельсон М.О. Современный американский роман. – М.: Наука, 1964. – 534 с.
15. Мешков А.В. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Зарубежная литература 20 века: Практикум / Составление и общая реакция Н.П. Михальской и Л.В. Духовой. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 351 - 354.
16. Мешков А.В. Дж.Д. Сэлинджер // Зарубежные писатели. Библиографический словарь в 2 ч. Ч. 2. М – Я / Под ред. Н.П. Михальской. – М.: Просвещение: Учеб. Лит., 1997. – с. 292 – 294.
17. Морозова Т.Л. Образ молодого американца в литературе США (битники, Сэлинджер, Беллоу, Апдайк). – М.: высшая школа, 1969. – 95 с.
18. Мулярчик А. Послевоенные американские романисты. – М.: Худ. лит., 1980. – 279 с.
19. Орлова Р. Литература после второй мировой войны // История американской литературы. Под ред. проф. Н.И. Самохвалова. Учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков педагогических институтов в 2 частях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1971. – 320 с.
20. Орлова Р. Д. Отцы и дети в литературе современной Америки (Дж. Стейнбек, Дж. Сэлинджер, Х. Ли). – Литература в школе. – 1964. – №6. – С. 18 - 28.
21. Орлова Р. Потомки Гекльберри Финна: Очерки современной американской литературы. – М.: Советский писатель, 1964. – 378 с.
22. Панова В. Заметки литератора. – Л., 1972. – 240 с.
23. Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи: Роман. Повести. Рассказы / Пер. с англ.; вступит. ст. С. Белова. – М.: Эксмо, 2006. – 768 с.
24. Тугужева М. Предисловие. // Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – М., 1979. – С. 3 - 21.